

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДСТВО

LINGUISTIC HERITAGE

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81.811.161.1

DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-6-92-100

Два этюда о лингвистической деятельности Е. Д. Поливанова (к 130-летию со дня рождения)

Оксана Анатольевна Волошина

¹ *Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, oxanav2005@mail.ru*

² *Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, г. Шэньчжэнь, КНР*

Аннотация. Статья посвящена анализу двух эпизодов разносторонней деятельности русского и советского ученого – Евгения Дмитриевича Поливанова: его выступления против «науки об языке» Н. Я. Марра и работы по унификации понятийно-терминологического аппарата языкознания начала XX в. в словаре лингвистических терминов. В статье приводятся аргументы Е. Д. Поливанова, с которыми он выступил против лжеучения, господствовавшего в советской науке о языке в 30–40-е гг. XX в., когда в отечественном языкознании в качестве единственно верного направления развития науки было выдвинуто «учение об языке» Н. Я. Марра. Новаторская деятельность Е. Д. Поливанова по организации отечественной науки воплотилась в создании нового словаря лингвистических и литературоведческих терминов, который так и не был опубликован, а увидел свет лишь в конце XX в. В статье анализируются дефиниции некоторых терминов и предлагается увидеть в словаре Е. Д. Поливанова «моментальный снимок» развития отечественного языкознания начала XX в.

Ключевые слова: Е. Д. Поливанов, марксистское языкознание, Н. Я. Марр, «яфетическая» теория, социолингвистика, словарь лингвистических терминов, И. А. Бодуэн де Куртенэ, система описания терминов

Для цитирования: Волошина О. А. Два этюда о лингвистической деятельности Е. Д. Поливанова (к 130-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2021. Т. 82, № 6. С. 92–100. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-6-92-100.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Two essays about E. D. Polivanov's linguistic activity (to the 130th anniversary of the birth)

Oksana A. Voloshina

¹ *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, oxanav2005@mail.ru*

² *Shenzhen MSU-BIT University, Shenzhen, People's Republic of China*

Abstract. The paper analyses two episodes of the Russian and Soviet scientist Evgeny Dmitrievich Polivanov's versatile activity: his opposition to N. Ya. Marr's 'science of language' and attempts to standardise the nomenclature of the linguistics of the beginning of the XXth century in a dictionary of linguistic terms. The research presents E. D. Polivanov's arguments made against the erroneous doctrine which dominated Soviet linguistics in the 1930–40s. At that time, N. Ya. Marr's theory was advanced as the only correct direction of scientific development in national linguistics. E. D. Polivanov's pioneering work to organise national science resulted in the compilation of a new dictionary of linguistic and literary criticism terms. This book was not published and only came out at the end of the XXth century. The paper analyses the definitions of several terms obtained from the edition. Additionally, it is suggested that in E. D. Polivanov's dictionary one can see a 'snapshot' of the evolution of the national linguistics at the beginning of the XXth century.

Keywords: E. D. Polivanov, Marxist linguistics, N. Ya. Marr, Japhetic theory, sociolinguistics, dictionary of linguistic terms, I. A. Baudouin de Courtenay, system of term description

For citation: Voloshina O. A. Two essays about E. D. Polivanov's linguistic activity (to the 130th anniversary of the birth) // *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2021. Vol. 82, No. 6. P. 92–100. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-6-92-100. (In Russ.).

Небольшой объем статьи не позволяет даже кратко очертить широкий диапазон тем, разработкой которых занимался крупнейший советский лингвист — теоретик языкознания и востоковед, гениальный полиглот, изучивший множество языков, и автор проекта сопоставительной «грамматики всех народов» — Евгений Дмитриевич Поливанов. Благодаря яркому таланту теоретика-исследователя, ориентации на практическую деятельность¹, а также удивительной работоспособности за сравнительно короткий, но чрезвычайно плодотворный период деятельности Поливанов создал новые направления в отечественном (и мировом) языкознании, оставил гениальные идеи в самых разных областях науки о языке.

Сфера исследований Евгения Дмитриевича Поливанова так многогранна, что нелегко выбрать какое-то одно направление (или тему), в котором сфокусировались бы научные интересы этого ученого. С одной стороны, Е. Д. Поливанов защищал и отстаивал строго научные методы традиционного сравнительно-исторического языкознания, предлагал определение и классификацию уже имеющихся в науке лингвистических понятий как основу научного описания языков, т. е. в некотором смысле выступал как систематизатор науки, а с другой — как революционер выдвигал новые, нестандартные решения многих научных вопросов, причем настолько смелые, что прошло много времени, прежде чем современная лингвистика смогла их оценить и принять.

В предлагаемой работе мы собираемся осветить два эпизода научной деятельности Е. Д. Поливанова, в которых он раскрывается как яркий и интересный ученый — речь будет идти о его знаменитом выступлении против «яфетической» теории академика Н. Я. Марра и о его словаре лингвистических терминов. Выбор именно этих тем

обусловлен собственными научными интересами автора статьи, однако эта подборка, как мы попробуем показать, не случайна, она поможет подчеркнуть особенности исследовательского подхода Е. Д. Поливанова, новаторский характер его научного творчества и в то же время стремление к систематизации, упорядочиванию, структурированию накопленных наукой фактов как необходимый этап подведения итогов для дальнейшего движения вперед.

Октябрьская революция не только ознаменовала формирование нового общественно-политического строя, но и кардинальным образом повлияла на развитие отечественной науки и культуры. Молодому социалистическому государству требовалась наука о языке, революционная по своим задачам и методам работы, такую науку должны были создавать и развивать ученые нового поколения. Именно таким ярким, самобытным ученым, способным формулировать созвучные эпохе цели и находить нестандартные пути их достижения, был Е. Д. Поливанов. В частности, Е. Д. Поливанов активно работал над созданием алфавитов для бесписьменных народов СССР (например, разрабатывал проекты алфавитов для тюркских языков советских республик в многочисленных публикациях на эту тему²).

В опубликованной в 1931 г. работе «За марксистское языкознание» Е. Д. Поливанов формулирует актуальные задачи

¹ Например, в области методики преподавания русского языка и создания алфавитов для бесписьменных народов СССР.

² Так, в статье «Основные формы графической революции в турецких письменностях СССР» [Поливанов 2003: 95–116]) или в работе «Проблема латинского шрифта в турецких письменностях» Поливанов высказывается за предпочтение латиницы перед кириллицей для тюркоязычных республик, причем причина лежит не в удобстве латинского алфавита, а в социолингвистических причинах. Он пишет: «эпоха — недоброй памяти — русского колонизаторства оставила такую ненависть в турецких народах (сужу по туркестанским) к русификации и ее орудию — миссионерским русским транскрипциям, что само напоминание о русском шрифте болезненно, как тревожащее недавние раны от национального гнета» [Цит. по: Алпатов 2012: 78].

лингвистики, которая, по его мнению, должна не только объяснять факты современных и древних языков, но и предсказывать направление языковой эволюции, освещать динамику языковых процессов в контексте социальных изменений. Современную эпоху Поливанов характеризует как «период искания новых путей нашей наукой под знаком “социологического языкознания”» [Поливанов 1991а: 10–11].

Это было время огромной свободы, так как можно было браться за разработку ранее неизвестных перспективных направлений в науке: появляются работы по фонологии и синтаксической типологии, по акцентологии и поэтике, в лингвистический кругозор вводится ранее неисследованный лингвистический материал. Однако формирующаяся идеология единственного верного учения выстраивала жесткую структуру марксистской науки, которая повторяла вертикаль идеологически ориентированного общества, выдвигая на первый план единственно верное учение, которому преданно должны были служить пролетарские ученые. Е. Д. Поливанов, с одной стороны, оказался в авангарде передовой науки как первопроходец во многих научных областях и революционно мыслящий ученый, а с другой — он стремился к полной научной свободе, был неспособен приспособливаться к существующему режиму и принимать без критики догмы официальной науки, поэтому оказался жертвой того политического строя, который установился после победы революции, так восторженно им принятой.

В науке 1930–х гг. торжествовало «новое учение об языке» академика Н. Я. Марра, в рамках которого предлагалось отказаться от достижений традиционного сравнительно-исторического языкознания и объяснять развитие языков исключительно путем их смешения, выявляя в генетически неродственных языках случайных фонетических соответствий, на основе этого псевдоэтимологического анализа выстраивать гипотезы о языковых контактах и влияниях. В науке часто формулируются ошибочные мнения и бездоказательные гипотезы, однако особая опасность в этом случае заключалась в том, что «яфетическая» теория Марра была объявлена единственно верным

учением о языках, угрожая развитию и даже самому существованию отечественной лингвистики.

4 февраля 1929 г. в Коммунистической академии Е. Д. Поливанов открыто выступил с подробной и основательной критикой основных положений учения Марра в докладе «Проблема марксистского языкознания и яфетическая теория». Ученый разбирал примеры этимологического анализа, на которых базировались выводы Н. Я. Марра, и показывал чудовищное невежество автора в методике доказательства языкового родства.

Самое ужасное — это произвольное деление слова, дели где хочешь, вопреки морфологии современной и морфологии древней и что очень удобно, так как позволяет объяснять буквально все из всего [Поливанов 1991б: 527].

Например, Н. Я. Марр производит слово *крестьянин* из слова *этруск*, основываясь на случайном фонетическом сходстве фрагментов *-рес-* и *-рус-*, таким же образом пытается связать слова *крестьянин* и *рожь* и т. п. [Там же: 523]. Китайские слова Н. Я. Марр записывает русскими буквами, пренебрегая различиями в фонетике разноструктурных языков, а затем весьма вольно сопоставляет эти записи с близкими по звучанию русскими словами [Там же: 517]. Е. Д. Поливанов доказывает, что все этимологии Н. Я. Марра являются ошибочными, так как основаны на случайном совпадении звучания фрагментов слов разных языков, а верные этимологии не являются новыми, они давно стали достоянием традиционной компаративистики.

Докладчик напоминает, что Н. Я. Марр получил звание академика за археологические и филологические работы, но языкознанием никогда специально не занимался, лингвистической подготовки не имеет, методикой лингвистического анализа не владеет, а выступает с критикой сравнительно-исторического языкознания — направления, занятие которым требует специальной лингвистической подготовки:

Яфетическая концепция и связанная с нею яфетическая терминология настолько наивны и в них столько путаницы, что это обнаруживает отсутствие фонетической выучки у автора [Там же: 532].

И поддерживают Н. Я. Марра непрофессионалы, неспособные критически анализировать приводимые академиком «языковые факты». Е. Д. Поливанов предлагает молодым сторонникам Н. Я. Марра не повторять за учителем избитые фразы, а потрудиться выучить хотя бы один любой язык, почитать литературу по истории этого языка, и тогда реальные языковые факты покажут молодому ученому полную несостоятельность яфетидологии [Там же: 534].

В докладе Е. Д. Поливанов отстаивает достижения сравнительно-исторического языкознания, отвечая на нападки Н. Я. Марра и его сторонников. В частности, Н. Я. Марр обвинял традиционную индоевропейскую компаративистику в предпочтении индоевропейских языков, в полном пренебрежении к языкам алтайским, кавказским и т. п. Однако очевидно, что выбор индоевропейских языков был обусловлен самой историей развития мировой лингвистики, так как именно индоевропейские языки — романские, германские, славянские и другие — оказались к началу XIX в. наиболее изучены, зафиксированы памятниками письменности на протяжении нескольких веков, что позволяло устанавливать на этом языковом материале законы развития родственных языков. Е. Д. Поливанов приводит примеры обращения европейских ученых к неиндоевропейскому языковому материалу, начиная с самого Франца Боппа — основателя индоевропейской компаративистики. Ф. Бопп, как известно, хотел включить в сравнительную грамматику индоевропейских языков малайские языки, но не смог этого сделать в силу отсутствия доказанных генетических связей между индоевропейскими и малайскими языками. Е. Д. Поливанов пишет:

Требовать, чтобы чувашский или, например, южнокавказские языки включены были бы — по антиимпериалистическим соображениям — в индоевропеистику, т. е. в сравнительную грамматику индоевропейских языков, — это то же, что и требовать, например, чтобы ихтиология включила в орбиту своего рассмотрения тот или другой вид птиц [Поливанов 2003: 16].

Чувашский язык изучается специальной наукой — сравнительной грамматикой алтайских языков.

Однако очевидные доводы в защиту традиционной («буржуазной» — а какой же она еще могла быть в буржуазном обществе) лингвистики не убеждают сторонников Н. Я. Марра, которые действуют все более агрессивно, стремясь перечеркнуть достижения «буржуазной» лингвистики. Е. Д. Поливанов горячо протестует против такого пути развития нового марксистского языкознания, он напоминает об очевидных победах компаративистики, которые позволили говорить о формировании и развитии истинно научного направления в лингвистике:

Блестящим примером проверки компаративного метода может служить вся грамматика романских языков... Теоретически восстанавливаемые слова и формы действительно совпадают со словами и формами, которые мы встречаем у латинских авторов, это дает нам право сказать, что компаративный метод есть действительно надежный и верный метод [Там же: 31–32].

Влияние идеологии на науку может привести к отрицанию научных достижений, даже к искажению объективно существующих фактов, например о родстве языков. Стремление построить марксистское языкознание как новую, передовую науку вполне понятно, но «для разработки марксистской лингвистики недостаточно благонамеренности и советской лояльности, а нужно обладать известной лингвистической и методологической подготовкой» [Там же: 4].

Путь развития нового марксистского языкознания, по мнению Е. Д. Поливанова, состоит не в отрицании достижений предшественников, а в создании «социального» направления в науке о языке. Внимание к «социальному субстрату», изменяющему язык, объединяло отечественных ученых послереволюционной России, однако Н. Я. Марр и его сторонники пытались прямолинейно связывать изменения языков с формами устройства общества, Е. Д. Поливанов же стремился обнаружить более тонкие связи языка и общества в контексте социолингвистической проблематики. Например, в статье «Стук по блату» он анализирует примеры блатного языка — «блатной музыки» и утверждает:

Здесь мы встречаем не индивидуальную выдумку какого-либо единого организующего приема, а в подлинном смысле широкое

коллективное, а потому и широко разнообразное по приемам своим языковое творчество, к которому мы в праве отнести так же, как и коллективному процессу эволюции всякого другого нормального языка [Там же: 158–159].

В работе «О блатном языке учащихся и о “славянском языке” революции», посвященной выявлению причин и характерных особенностей школьного сленга, Е. Д. Поливанов пишет:

Не надо забывать, что известная примесь lumpenпролетарских жаргонов — это черта вообще характерная для языковой истории нашего периода: это один из тех многообразных сдвигов в социальных субстратах языковых систем (и элементов этих систем), которыми вообще чревата языковая действительность революционной эпохи (почему революционная эпоха и оказывается кузницей крупнейших форм языковой эволюции) [Там же: 168].

Однако не стоит связывать школьный сленг только с влиянием улицы, Е. Д. Поливанов отмечает, что и в его дореволюционные годы ученики охотно прибегали к сленгу.

Школьники дистанцируются от взрослого языкового коллектива собственным сленгом, «хулиганский» язык выполняет консолидирующую функцию, кроме того, особые слова обладают экспрессией и образностью, что позволяет подросткам проявить языковое творчество, самореализоваться в ярких номинациях и формулировках. У этих «хулиганских» слов в молодежном дискурсе особая функция, которая объясняет их частотность и воспроизводимость в речи подростков во все времена.

С другой стороны, Е. Д. Поливанов пишет об утративших способность функционировать в нормальной разговорной речи «мертвых» словах и выражениях, придающих речи «уродливую дисциплинированность». Повторяемость клишированных выражений размывает содержание речи, убивая ее коммуникативную направленность. Мертвый характер языка определяется утратой реальных коммуникативных функций выражениями типа:

Да, надо изжить подобный элемент из недр нашей канцелярии. Оставляя Осиповых у себя, мы льем воду на мельницу хищных акул империализма и ставим под угрозу завоевания Октября и т. д. и т. д. Слышите ли вы в действительной жизни подобный диалог? <...> Не напоминает ли

он вам речь тех манекенов, которые выводятся неопытными и бесталанными авторами в качестве героических персонажей в их революционных драмах? [Там же: 170].

Реплики такого «диалога» не предполагают ответа, они уничтожают общение, само желание слушать и думать, втягивая слушателя в воронку пустопорожней демагогии.

Е. Д. Поливанов предупреждает о разрушительном действии мертвого языка, употребление подобных выражений не просто говорит о низкой речевой культуре, но и мешает реальной жизни и работе, так как создает иллюзорный мир, в котором за пустыми фразами скрывается мнимая деятельность.

До сих пор еще можно встретить немало людей, усвоивших как незбываемый трафарет десятка два «приличных для публичных выступлений», «официально утвержденных» и подтвержденных их повторениями в прессе выражений, людей, которые крепко схватились за этот единственный компас, с которым можно, дескать, бросаться плыть по зыбучему словесному морю... Надо было бы громко поднять голос, чтобы сказать: писать — *поставили принять к сведению и углубить работу* не только бесполезно, но и вредно (потому что это создает мнимое впечатление о выполнении некой задачи)... И это мнимое дело заставляет забывать про задачи дела настоящего... нельзя употреблять мертвые слова: это не только бесполезно, но и губительно для животворной стихии слова [Там же: 172].

Предупреждения Е. Д. Поливанова не были услышаны, мертвые слова и выражения штампованных речей привели к «застою» — социальному, политическому и экономическому — советского общества второй половины XX в.

Таким образом, Е. Д. Поливанов практически в одиночку выступил против господствующего лженаучного направления в отечественной науке о языке³, предлагая новые пути развития марксистского языкознания, задавая вектор научного поиска и предостерегая от ошибок.

³ «Поливанов был единственным из наших видных лингвистов, кто с открытым забралом выступил против “любителей хорового пения”. Другие либо глухо молчали, либо шли на компромиссы» [Алпатов 2003: 194].

Второй эпизод, выбранный нами из широкой лингвистической деятельности Е. Д. Поливанова, касается систематизации научных понятий и работы над **словарем лингвистических терминов**⁴. Внимание Е. Д. Поливанова к этой области не случайно, так как, прежде чем развивать новое марксистское языкознание, нужно систематизировать накопленные наукой факты, подытожить научные искания, сформулировав теоретические положения выдвинутых теорий. В основе этой работы должна лежать деятельность по упорядочиванию научной терминологии. Интерес к научным терминам, уверенность в необходимости систематизации специальной лексики возникли у Е. Д. Поливанова, вероятно, еще под влиянием его учителя И. А. Бодуэна де Куртенэ, который, как известно, предлагал провести ревизию имеющейся терминологии, убрать устаревшие, неточные и неудачные термины и ввести новые для выстраивания системы знания о языках. И. А. Бодуэн де Куртенэ специально описывал разделы языкознания, их названия, предмет и задачи исследования, чтобы в терминах нашла отражение полная, непротиворечивая, научная картина лингвистики. Именно И. А. Бодуэн де Куртенэ вводит новый термин *фонема*, противопоставив его термину *звук*, обособляя *фонологию* от *фонетики*; решительно настаивает на применении термина *морфема* и *морфология*, обращая особое внимание на статическое описание

морфем и противопоставляя *морфологию* *этимологии* как науке о происхождении слова, о выявлении его первоначальной формы и семантики. Именно упорядочивание терминологии поможет систематизировать науку, избавиться от путаницы, выстроить надежную базу для преподавания лингвистических дисциплин и продуктивного развития языкознания.

В своем словаре Е. Д. Поливанов часто ссылается на И. А. Бодуэна де Куртенэ как автора лингвистических терминов, в частности когда речь идет о фонеме, морфеме и др.:

Морфема — общелингвистический термин, принятый сейчас в международном масштабе благодаря употреблению у лингвистов ‘фонологической’ школы (Поливанов, Карцевский, Р. Якобсон и др.), а первоначально введенный — в числе других ‘бодуэновских’ терминов — покойным русско-польским лингвистом И. А. Бодуэном де Куртенэ (в ряду терминов *фонема*, *графема*, *морфема*, *синтагма*, а также *кинема*, *кинагема*, *акусма*)... [Поливанов 1991г: 383].

Перечень «бодуэновских» терминов показывает, что при создании новых терминов лингвисты пытались использовать общую модель и группирующие термины словообразовательные элементы, которые не только бы систематизировали терминологию, но и подсказывали бы семантику нового термина⁵.

Поливанов разрабатывает систему описания терминов, которая упрощает пользование словарем: в частности, он указывает

⁴ Над словарем лингвистических и литературоведческих терминов Поливанов работал в 1935–1937 гг. (уже после его напутственного выступления против академика Н. Я. Марра) и послал рукопись для публикации в Ленинград в Институт языка и мышления имени Марра, очень надеясь на то, что издание словаря позволит ему вернуться в науку. Дело в том, что после выступления против Марра Поливанов вынужден был уехать в Узбекистан и был лишен возможности публиковать свои работы в Москве или Ленинграде (лишь в 1931 г. ему удалось издать в Москве работу «За марксистское языкознание»). Однако отрицательный отзыв рецензента уничтожил надежды Поливанова, а словарь увидел свет лишь в 1991 г. В августе 1937 г. Поливанов был арестован по обвинению в «шпионаже в пользу Японии» (ученый-востоковед неоднократно бывал в Японии) и 21 января 1938 г. расстрелян.

⁵ В другой своей работе о необходимости системного обучения общественно-политической терминологии в средней школе Поливанов пишет: «В чем же можно видеть систему в преподавании терминологии? Прежде всего в группировке материала. Слова с общим элементом (например, *фото-графия*, *фото-типия*, *фото-сфера* и т. д.) образуют известное гнездо, ячейку, и в то же время каждое из входящих в нее слов может быть втянуто и в другую ячейку — по второму своему элементу (*фото-графия*, *типо-графия*, *графо-мания* и т. д.). Иначе говоря, сложные слова выделяют из себя простые основы, которые и становятся отправным пунктом анализа нового слова. Преимущества этого приема (этимологизации) над механическим заучиванием бессистемного ряда слов очевидны» [Поливанов 2003: 71].

на сферу применения термина — общелингвистический, грамматический, фонетический термин и т. п., на широту употребления — международный, русский и др., указывает на происхождение термина:

Этимология — интернациональный греческого происхождения термин [Поливанов 1991г: 454].

Слово — русский популярный и в то же время школьно-грамматический и научно-лингвистический термин, соответствующий латинскому термину (в грамматической латинской терминологии!)... [Там же: 424].

Назализация — общefonетический (международный, латинского происхождения) термин [Там же: 387] и т. п.

Иногда Е. Д. Поливанов вводит в словарь даже совершенно новые термины, которым, как он ожидает, предстоит сыграть важную роль в развитии науки:

Морфонема — новый термин, предложенный в 1930 г. на международной фонологической конференции, как один из элементов фонологической терминологии еще не получил более или менее широкого распространения... Составлен этот термин путем механического соединения терминов *Фонема* и *Морф/ема* [Там же: 385].

Е. Д. Поливанов отмечает происхождение термина, его этимологию, значение в современной науке, если термин многозначный, предлагает разные дефиниции термина и приводит иллюстративный материал использования термина в научном дискурсе:

Аффикс — общелингвистический (морфологический) международный термин латинского происхождения (наравне, т. е. в том же терминологическом ряду, что и *суффикс*, *префикс*, *инфикс*).

Этимология термина. Термин *аффикс* происходит из сочетания: 1) лат. предлога-приставки *ad-* к...+ 2) лат. причастия *fixum* (от глагола *fixere*) — того же самого, что и в составе терминов *суффикс* и *префикс*. Следовательно, слово *аффикс* можно было бы перевести на русский язык как 'приставляемое', 'то, что приставляется', т. е. приставка, причем (в отличие от значения русского грамматического термина *приставка*, соответствующего понятию *префикс*) тут должно подразумеваться присоединение не только спереди, но присоединение вообще: как спереди, так и сзади.

Реальное определение термина. В лингвистике термин *аффикс* обозначает общее (родовое) понятие и для префикса, и для суффикса...

В грамматиках турецких языков, строго говоря, можно было бы вовсе избежать термина *аффикс*, так как из двух категорий аффиксов в турецких языках обычно фигурирует лишь категория суффиксов... [Поливанов 1991г: 345].

Активно занимаясь восточными языками (в частности, японским и китайским), Е. Д. Поливанов стремится включить материал восточных языков в курсы общего языкознания⁶, выработать общую понятийную и терминологическую базу для сравнения языковых явлений индоевропейских⁷, дальневосточных и среднеазиатских

⁶ Е. Д. Поливанов публикует первый том «Введения в языкознание для востоковедных вузов» — «фундаментального труда, совмещающего учебник, специально ориентированный на студентов-востоковедов, и изложение последовательной теоретической концепции. В первый том вошли теоретическое введение к предполагаемому двухтомнику и разделы, посвященные фонологии и ударению, богато проиллюстрированные материалом значительного числа языков» [Алпатов 2012: 80]. Поливанов начинает свой учебник с лингвистической пропедевтики, рассказывая, на какие части делится лингвистика (фонетика, морфология, синтаксис и др.), чем отличается описательное языкознание от исторического и т. п. Например, Поливанов пишет, что *морфология* «занята изучением типов словесной конструкции», «морфология рассматривает конструкцию слова с точки зрения зависимости его значения от этой конструкции» [Поливанов 1991а: 28–29].

⁷ В частности, Поливанов в 1923 г. пишет учебное пособие «Лекции по введению в языкознание и общей фонетике», в котором отдельно рассматривает фонетический состав русского, французского, немецкого и английского языков. Интересна композиция этой работы: за первой главой, посвященной звукам русского языка, следует глава «Основы общей морфологии», потому что Поливанову нужно было показать принцип членения слова на морфемы и механизм определения фонемного состава морфем в русском языке. Этот прием противопоставления звуков и фонем при опоре на морфемный критерий определения фонем, конечно, Поливанов перенял у своего любимого учителя И. А. Бодуэна де Куртенэ. Поливанов приводит сравнительную характеристику звуков основных европейских языков: отмечает, например, что французский г «увулярный, недрожжающий» [Поливанов 1991в: 250], или подчеркивает отсутствие палатализованных согласных

языков. Например, Поливанов пишет о различии между суффиксом и самостоятельным словом применительно к материалу индоевропейских (например, русского языка) и китайского языков, об ударении и тоне и т. п. Очевидно, что лингвистическая терминология складывалась первоначально на материале индоевропейских языков, а по мере включения «экзотических» языков в лингвистический кругозор термины европейской лингвистики с большим или меньшим успехом применялись к описанию китайского, арабского, японского и других языков. Например, термин *ударение* (у Е. Д. Поливанова термин *акцент*):

в зависимости от языка... акцент может обозначать или 1) силовое (экспираторное) ударение, как в русском... так и 2) музыкальное (мелодическое) ударение (состоящее в повышении голосового тона данного слога), например, а) в японском, где имеется музыкальное словоударение... б) в китайском, где имеется музыкальное слогуударение: здесь мелодия (изменения или наоборот ровность) голосового тона осуществляется внутри одного слога [Поливанов 1991 г: 327].

Ученый приводит примеры смысло-различительной функции музыкального ударения:

В китайском... могут быть различия между односложными словами в зависимости от присущей тому или другому слову мелодии голосового тона (музыкальному ударению). Так, в пекинском слог [ma] с одной интонацией представляет слово *мать*, с другой — *конопля*, с третьей — *лошадь*, с четвертой — *ругаться*. Русской же психофонетике такие возможности смысло-различения чужды [Поливанов 1991а: 230–231].

Словарь состоит из двух частей: в первой, более объемной части в алфавитном порядке перечисляются лингвистические термины (от *аббревиатуры* до *этимологии*), а во втором — литературные и поэтические термины (от *автобиографии* до *ямба*). Интересен отбор, дефиниции и комментарий литературоведческих терминов. Так, Е. Д. Поливанов очень подробно объясняет термин *поэзия*, подчеркивая, что

в европейских языках [Поливанов 1991в: 255]. Конечно, студентам, незнакомым с дальневосточными языками, примеры из распространенных западноевропейских языков были более понятны.

это те литературные произведения, которые составлены мерной речью (стихами), т. е. с организацией словесного материала не только по смысловому, но и по фонетическому принципу — по принципу регулярных звуковых (фонетических) повторов [Поливанов 1991 г: 466].

Дефиниции Е. Д. Поливанова яркие, живые, автор приводит многочисленные интересные примеры и даже ссылается на собственный опыт преподавания лингвистических дисциплин. Например, в статье к слову *аноним* ученый пишет:

Слово это не является лингвистическим термином и приводится в настоящем словаре, главным образом, во избежание возможных (и на практике наблюдавшихся мною) смешений его со словом *омоним*... Зато слово это (*аноним*) можно считать литературным термином, ибо оно обозначает автора (литературного произведения, а также письма), не назвавшего своего имени; анонимное письмо — письмо, в котором отсутствует подпись писавшего, служило часто орудием доноса, клеветы и т. д. Разумеется, не следует смешивать аноним с *псевдонимом* (от *ψευδός* = *pseud-os ложный* + *ὄνομα* = *оноута имя*), т. е. вымышленным именем автора (напр., имя Максим Горький — это псевдоним Ал. М. Пешкова, но его никак невозможно, разумеется, именовать *анонимом*) [Поливанов 1991 г: 460].

На примере этой статьи мы видим, что словарь может вполне быть использован как учебный материал. Е. Д. Поливанов объясняет, сравнивает термины, приводит синонимы, часто являющиеся маркерами его эпохи — например, анонимное письмо — орудие доноса. Остается лишь глубоко сожалеть, что такой интересный и глубокий материал, тщательно продуманный с точки зрения структуры и принципа подачи, — словарь лингвистических терминов — увидел свет лишь спустя более полувека. Отрицательная рецензия на эту работу Е. Д. Поливанова, разумеется, явилась результатом политического и идеологического давления на советскую науку 30–40-х гг. XX в.

Научное наследие Е. Д. Поливанова, лишь частично опубликованное и изученное, ожидает еще пристального внимания ученых — теоретиков языкознания, востоковедов, лексикографов, литературоведов и других специалистов в области истории и теории языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В. М. Книга Е. Д. Поливанова «За марксистское языкознание» // Поливанов Е. Д. За марксистское языкознание (переиздание работы 1931 года с предисловием и комментариями). Смоленск: СГПУ, 2003. С. 184–196.
2. Алпатов В. М. Метеор // Алпатов В. М. Языковеды, востоковеды, историки. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 71–94.
3. Поливанов Е. Д. Введение в языкознание для востоковедных вузов // Поливанов Е. Д. Избранные работы. Труды по восточному и общему языкознанию / сост., послесл., коммент. и указ. Л. Р. Концевича. М.: Наука, 1991. С. 9–235 [Поливанов 1991a].
4. Поливанов Е. Д. За марксистское языкознание: сб. популяр. лингвист. ст. (переиздание работы 1931 года с предисловием и комментариями) / под общ. ред. И. А. Королевой. Смоленск: СГПУ, 2003. 236 с.
5. Поливанов Е. Д. Из материалов ‘поливановской’ дискуссии в Коммунистической академии. Февраль. 1929 г. Архивная публикация // Поливанов Е. Д. Избранные работы. Труды по восточному и общему языкознанию / сост., послесл., коммент. и указ. Л. Р. Концевича. М.: Наука, 1991. С. 508–551 [Поливанов 1991b].
6. Поливанов Е. Д. Лекции по ведению в языкознание и общей фонетике // Поливанов Е. Д. Избранные работы. Труды по восточному и общему языкознанию / сост., послесл., коммент. и указ. Л. Р. Концевича. М.: Наука, 1991. С. 237–270 [Поливанов 1991v].
7. Поливанов Е. Д. Словарь лингвистических и литературоведческих терминов (1935–1937). Архивная публикация // Поливанов Е. Д. Избранные работы. Труды по восточному и общему языкознанию / сост., послесл., коммент. и указ. Л. Р. Концевича. М.: Наука, 1991. С. 318–507 [Поливанов 1991г].

REFERENCES

1. Alpatov V. M. Book of E. D. Polivanova «For Marxist Linguistics». Polivanov E. D. Smolensk: SGPU, 2003. P. 184–196. (In Russ.).
2. Alpatov V. M. Meteor. Alpatov V. M. Linguists, orientalist, historians. Moscow: Languages of Slavic cultures, 2012. P. 71–94. (In Russ.).
3. Polivanov E. D. Introduction to linguistics for Oriental universities. Polivanov E. D. Selected works. Works on eastern and general linguistics. Moscow: Science, 1991. P. 9–235 [Polivanov 1991a]. (In Russ.).
4. Polivanov E. D. For Marxist linguistics: collection of works. popular. linguist. Art. (reprint of the work of 1931 with a preface and commentary): Koroleva I. A. (ed.). Smolensk: SSPU, 2003. 236 p. (In Russ.).
5. Polivanov E. D. From the materials of the ‘Polivanov’ discussion at the Communist Academy. February. 1929. Archival publication. Polivanov E. D. Selected works. Works on eastern and general linguistics. Moscow: Science, 1991. P. 508–551 [Polivanov 1991b]. (In Russ.).
6. Polivanov E. D. Lectures on teaching in linguistics and general phonetics. Polivanov E. D. Selected works. Works on eastern and general linguistics. Moscow: Science, 1991. P. 237–270 [Polivanov 1991c]. (In Russ.).
7. Polivanov E. D. Dictionary of linguistic and literary terms (1935–1937). Archival publication. Polivanov E. D. Selected works. Works on eastern and general linguistics. Moscow: Science, 1991. P. 318–507 [Polivanov 1991d]. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Оксана Анатольевна Волошина, кандидат филологических наук, доцент, кафедра общего и сравнительно-исторического языкознания, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне

Oksana A. Voloshina, Cand. of Sci. (Philol.), Associate Professor, Department of General and Comparative Historical Linguistics, Lomonosov Moscow State University; Shenzhen MSU-BIT University, Shenzhen, People's Republic of China

Статья поступила в редакцию 13.07.2021; одобрена после рецензирования 11.08.2021; принята к публикации 04.09.2021.

The article was submitted 13.07.2021; approved after reviewing 11.08.2021; accepted for publication 04.09.2021.